КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
16-го іюня № 12. 1870 года

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗНАЧЕНІЕ СТРАДАНІЙ И СМЕРТИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

Слово въ великій пятокъ *)

„Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша; наказаніе мира нашего на Немъ". (Ис. 53, 5).

Итакъ, не ты одно, беззаконное сонмище Іудейское, не ты одинъ, человѣкоугодливый служитель земнаго правосудія, не ты одинъ, коварный и сребролюбивый ученикъ, повинны въ крови сего Праведнаго. Вы были хотя преступными, но невѣдущими, что́ творили, исполнителями высшаго, небеснаго правосудія. Сей непорочный Агнецъ былъ предзакланъ еще до сложенія міра, а вы только совершили въ опредѣленное время, что́ предначертано было въ предвѣчномъ совѣтѣ правосудія и любви Отца небеснаго. Кто же виновенъ въ смерти Неповиннаго? *Той язвенъ бысть за грѣхи наша*, отвѣчаетъ Пророкъ. Виновенъ въ Его страданіяхъ и смерти весь грѣшный родъ человѣческій, начиная отъ перваго согрѣшившаго въ раю, до послѣдняго изъ земнородныхъ; виновны мы всѣ, грѣхи и беззаконія которыхъ вмѣнилъ себѣ нашъ Искупитель, и вмѣнивъ ихъ, привлекъ на Себя

*) Изъ «Душепол. Чтенія 1870 г. № 4.

тѣ стрѣлы гнѣва Божія, которыя должны были поразить насъ. *Сей грѣхи наша носитъ*, посему и *наказаніе мира нашего на Немъ.* Въ лицѣ Его, грѣха не сотворившаго, правосудіе божественное караетъ грѣхъ; оно заставляетъ Его понести тяжесть тѣхъ наказаній, которыя долженъ испытать каждый грѣшникъ, чтобы, удовлетворивъ тѣмъ божественной правдѣ, открыть дверь божественной милости.

Самое первое наказаніе, которое долженъ испытать грѣшникъ, есть наказаніе грѣха самимъ же грѣхомъ; это внутреннее наказаніе преступника своею совѣстію, мучительное сознаніе тяжести грѣха и виновности предъ Богомъ. Воспріявшій на себя грѣхъ міра, ужели воспріялъ и тягость сего перваго наказанія за грѣхъ? Грѣха не сотворившій, ужели могъ чувствовать тяжесть грѣха и внутреннихъ страданій, съ нимъ соединенныхъ? Но вспомнимъ, что не на Голгоѳѣ только, и не во дворѣ Анны и Каіафы, начались страданія Спасителя. Перенесемся мыслію въ садъ Геѳсиманскій, и мы увидимъ здѣсь Іисуса, страждущаго тяжкою, невыносимою, смертельною мукою души: *и начатъ Іисусъ ужасатися, скорбѣти и тужити*; *и глагола ученикамъ: прискорбна есть душа моя до смерти* (Марк. 14, 34, 35. Матѳ. 26, 37. 38). Что значатъ эти страданія прежде страданій крестныхъ, эта тоска смертная прежде смерти? Ужели это естественное сожалѣніе о жизни, естественный страхъ близкой, ожидаемой, мучительной кончины? И Онъ могъ ли терзаться этимъ малодушнымъ страхомъ, Тотъ, Кто не разъ спокойно говорилъ Своимъ ученикамъ объ ожидающей Его участи, Кто даже томился желаніемъ испить ту чашу страданій, которая предлежала Ему? *Крещеніемъ имамъ креститися*, говорилъ Онъ о Своихъ страданіяхъ, *и како удержуся, дондеже скончается* (Лук. 12, 50). Могъ ли ужасаться смерти

Тотъ, Кто шелъ на смерть Своею волею, и отъ мановенія Котораго зависѣло подвигнуть легіоны ангеловъ, чтобы избѣжать ея; Кто зналъ, что послѣ временныхъ страданій Онъ воскреснетъ со славою и для вѣчной славы? Безбоязненно встрѣчали смерть, увѣренные въ правотѣ своей, лучшіе люди міра языческаго. Мужественно и съ радостію шли на страшныя мученія исповѣдники имени Христова. Тому ли сожалѣть о жизни, бояться смерти, Кто *грѣха не сотвори*?

Нѣтъ, не естественнымъ только страхомъ смерти терзалась и скорбѣла до смерти душа нашего Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду. Если въ немощи плоти и могло лежать нѣкоторое сѣмя такого страха, то оно конечно было бы препобѣждено бодростію духа, сильнаго сознаніемъ своей правоты и невинности, какъ и препобѣждался этотъ страхъ всѣми мужественно полагавшими душу за истину. Душа чистая и безгрѣшная не могла мучит ся тѣмъ обыкновеннымъ предсмертнымъ страхомъ, коренной источникъ котораго въ мятущейся совѣсти, въ сознаніи своей виновности, въ опасеніи за свою будущую участь. Душа Спасителя міра терзала ь и томилась подавляемая тяжестію беззаконій всего міра, которыя Онъ благоизволилъ воспріять на Себя, чтобы потомъ вознести ихъ съ Собою на крестъ; она страдала и скорбѣла до смерти, испытывая все то, что должна испытывать душа грѣшника преступнаго и виновнаго предъ Богомъ. И какъ невыносимо тяжело это бремя грѣховное! Разсѣеваемый суетою міра, ослѣпляемый самообольщеніемъ, ты, грѣшникъ, не всегда въ настоящей жизни чувствуешь всю его тягость; но посмотри на подъявшаго оное ради Тебя Спасителя, и ты увидишь всю глубину тѣхъ внутреннихъ мученій, которыми грѣхъ казнитъ самъ себя въ душѣ согрѣшившаго и которыя воспріялъ ради тебя Несогрѣшившій. Посмотри на согбеннаго подъ тяжестію грѣховъ твоихъ и отъ

тяжести ихъ падшаго на землю *на лицѣ своемъ* (Мѳ 26, 39) Іисуса, подобно послѣднему изъ грѣшниковъ, какъ бы несмѣющаго воззрѣть на небо! Посмотри на тягость душевныхъ страданій, на ужасъ, на тоску, съ которою можетъ сравниться только мука смертная, и невыносимость которой, даже рѣшившагося волею подъять ее, трижды заставляла взывать къ Отцу небесному: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ 26, 39)! Посмотри на предсмертныя страданія (Лук. 22, 44) и на потъ Его, какъ *капли крови, каплющія на землю*: эти капли служатъ какъ бы свидѣтельствомъ, что и одной скорби Его о грѣхахъ міра, одной тяжести этихъ грѣховъ было достаточно, чтобы пролить кровь Его и прекратить дни Его прежде, чѣмъ Онъ излилъ Свою кровь на крестѣ, еслибы не поддержала Его помощь свыше, еслибы Ангелъ не явился Ему, укрѣпляя Его для новыхъ страданій.

Но наказаніе за грѣхъ не ограничивается однимъ внутреннимъ мученіемъ совѣсти. И земное правосудіе не предоставляетъ наказаніе преступника ему только самому; оно караетъ грѣхъ внѣшними, тяжкими карами. И правосудіе небесное требуетъ, чтобы облеченный плотію, и плоть употребившій на служеніе грѣху, человѣкъ понесъ не только внутреннее, но и внѣшнее, соразмѣрное тяжести грѣха, наказаніе. И вотъ понесшій на Себѣ грѣхъ міра добровольно несетъ, Своею пречистою плотію, заслуженныя грѣшникомъ внѣшнія кары небеснаго и земнаго правосудія.

Нужно ли снова изображать всю жестокость внѣшнихъ страданій Спасителя, трогательное описаніе которыхъ содержится въ Евангеліи? Раскройте самый безчеловѣчный изъ кодексовъ человѣческаго правосудія, исчислите всѣ виды наказаній, отъ болѣе легкихъ до самихъ тяжелыхъ, которыми оно караетъ преступниковъ,—и вы едва ли найде-

те хотя одно, котораго бы не испыталъ, понесшій на Себѣ наказаніе наше, Спаситель. Безчестіе ли и униженіе хотите видѣть? Вотъ заушенія, заплеванія, ругательства, вмѣненіе со беззаконными, съ разбойниками. Лишеніе ли имущества? Но чего было лишать неимущаго, не имѣвшаго гдѣ главы приклонить, питаемаго отъ имѣній благочестивыхъ женъ и добровольныхъ приношеній? Была у Него своя одежда, но и это жалкое наслѣдство отъемлется и раздѣляется палачами. Изгнаніе ли изъ отечества, лишеніе ли общества и утѣшеній друзей, сродниковъ? Его соотечественники, народъ Іудейскій, отрекаются отъ Него и предаютъ въ руки язычниковъ, Римлянъ; страхъ разсѣеваетъ всѣхъ учениковъ Его и друзей, и Онъ лишается послѣднихъ предсмертныхъ утѣшеній и бесѣдъ, въ которыхъ не отказываетъ преступнику и земное правосудіе. Являются, правда, у подножія креста Его Матерь съ возлюбленнымъ Его ученикомъ; но видъ Ея, безпомощной, въ самое сердце пронзенной мечемъ страданія, конечно могъ принести не утѣшеніе и подкрѣпленіе Страждущему, а только приложить новыя мученія къ тысячѣ другихъ. Узы ли нужны, темница, томленіе гладомъ и жаждою? Его какъ злодѣя ведутъ связаннаго къ Аннѣ и Каіафѣ, ввергаютъ въ темницу до окончанія суда, напояютъ не водою, но оцтомъ съ желчію смѣшаннымъ. Пытки ли и жестокія истязанія предшествующей казни нужны для отягченія ея? Вотъ бичеваніе, біеніе тростію по главѣ, терновый вѣнецъ. Жестокость ли самой казни? Но смерть на крестѣ есть одна изъ самыхъ жестокихъ казней, какія могло изобрѣсти звѣрство человѣка; это не есть мгновенное прекращеніе жизни ударомъ напр. меча, но продолжительное, мучительное умираніе, столь мучительное, что самый законъ или обычай дозволяли смягчать его жестокость, не возбраняя сострадательнымъ людямъ напаять ведомыхъ на

казнь виномъ смѣшаннымъ со смирною, чтобы нѣсколько заглушить чувство боли; но мы знаемъ, что и отъ этого жалкаго смягченія страданій отрекся, рѣшившійся подъять земныя муки во всей ихъ силѣ, Спаситель. Нужно ли, чтобы жестокость казни сопровождалась ея безчестіемъ и позорностію? Но смерть на крестѣ—у Римлянъ смерть презрѣнныхъ рабовъ, у Іудеевъ—самая позорная казнь злодѣевъ; *проклятъ отъ Бога всякъ висяй на древѣ*, говоритъ законодатель Ветхаго Завѣта (Втор. 21, 23). Нужно ли наконецъ поруганіе и оскорбленіе самой памяти почившаго? Вотъ дерзновенная рука прободаетъ пречистое тѣло; вотъ языческая стража, камень и печати, показывающія, что и самый гробъ не хотѣла оставить въ покоѣ злоба враговъ Его.

Но какъ бы ни были жестоки внѣшнія страданія, слѣдующія за внутренними мученіями совѣсти, ими не исчерпывается мѣра божественнаго правосудія надъ человѣкомъ грѣшникомъ. Казнитъ преступника его совѣсть; казнитъ его общество и законы; но послѣднее и самое тяжкое наказаніе Богъ предоставляетъ самому себѣ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12. 19); окончательное время этого наказанія—жизнь будущая; а способъ его—полное и всецѣлое удаленіе грѣшника отъ лица Божія, лишеніе свѣта, радости, блаженства,—это адъ со всѣми его ужасами. »Болѣзни адовы обыдоша мя« (Пс. 17, 6).

Человѣку, по милосердію Божію не хотящему смерти грѣшника, но ожидающему его покаянія, не суждено въ настоящей жизни вполнѣ испытать подобное наказаніе; и самаго отчаяннаго грѣшника не оставляетъ еще Богъ Своимъ милосердіемъ. Но воспріявшему на Себя грѣхъ всего міра, вѣчною правдою Божіею опредѣлено было испить до конца всю чашу гнѣва Божія, вкусить и этого послѣдняго

и тягчайшаго изъ наказаній. *Болѣзни адовы обыдоша* Его (Пс. 17, 6). На крестѣ, среди жесточайшихъ мученій, оставляетъ Его и послѣднее утѣшеніе и отрада страждущихъ,— оставляетъ Самъ Отецъ небесный. До смерти тяжки были муки Его въ саду Геѳсиманскомъ; но въ самой молитвѣ объ избавленіи отъ нихъ слышится голосъ мужественной преданности волѣ Божіей: *да мимо идетъ отъ Мене чаша сія, обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. 26, 39). Жестоки были мученія крестныя, но Онъ, *яко овча на заколеніе* ведомое, *не отверзаетъ устъ своихъ* для стоновъ и рыданій. Но вотъ поражаетъ Его послѣдній ударъ божественнаго правосудія, оставляетъ Его Самъ Богъ Отецъ, и въ чувствѣ невыносимой муки исторгается у Него жалобный вопль: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ* (Матѳ. 27, 48). Въ этомъ воплѣ выразилась вся сила жесточайшихъ, недовѣдомыхъ нашему уму, страданій Спасителя. Недомыслимъ намъ въ настоящей жизни весь ужасъ мученій человѣка, вполнѣ оставленнаго Богомъ. Но здѣсь не человѣкъ только оставляется Творцемъ; здѣсь непостижимо и таинственно Богъ оставляетъ Бога, единородный Сынъ отторгается отъ лона Отчаго, отъ источника свѣта и жизни, и какъ послѣдній изъ грѣшниковъ предается области тьмы и ада. Да, слушатели, осмѣлимся сказать, что въ минуты сего величайшаго страданія не осталась не дѣятельною и злоба самого ада съ его темными силами. Евангеліе говоритъ намъ, что послѣ неудачнаго искушенія Христа Спасителя въ пустынѣ діаволъ *отыде отъ Него до времени* (Лук. 4, 12). До какого же это времени? Не до того ли, о которомъ Самъ Господь сказалъ Своимъ ученикамъ: *грядетъ сего мира князь* (Іоан. 14, 30), и своимъ врагамъ: »теперь ваше время и власть тьмы« (Лук. 22, 54). Не до того ли часа, когда оставленнаго Богомъ страдальца

оставили конечно и ангелы, дотолѣ служившіе Ему (Мат. 3, 11). И вотъ, посрамленный нѣкогда искуситель, съ своими темными силами, соединяется со врагами Христа,—и какая человѣческая мысль можетъ постигнуть всю глубину страдальческаго истощанія Богочеловѣка!

Господи, Господи, что есть человѣкъ, яко помниши его, или Сынъ человѣчъ, яко посѣщаеши его? (Пс. 8, 5). Ничтожное созданіе, персть и прахъ, воззванный Тобою къ бытію, дерзнулъ оскорбить Тебя нарушеніемъ Твоей святой воли. Достаточно было одного мановенія десницы Твоей, чтобы поразить, обратить въ ничто дерзновенную тварь вмѣстѣ съ землею имъ обитаемою, разсѣять ихъ, какъ прахъ возметаемый вѣтромъ,—и исчезновеніе ихъ было бы столь же мало замѣтно въ строѣ міроздания, какъ незамѣтно исчезла бы пылинка, мнившая помрачить блескъ солнца. Ибо что такое человѣкъ въ ряду тысячи тысячъ и тьмы темъ совершеннѣйшихъ, безплотныхъ существъ, вѣрно служащихъ Тебѣ и вѣчно славящихъ Тебя? Что такое земля, эта ничтожная песчинка, въ безконечномъ множествѣ созданныхъ Тобою міровъ? Но Ты, безконечно благій, удерживаешь свою карающую десницу, сокрываешь свою славу, нисходишь на землю въ уничиженномъ образѣ человѣка, чтобы своими страданіями и смертію примирить разгнѣванное правосудіе и спасти погибающаго; Ты оставляешь девяносто девять овецъ Тебѣ вѣрныхъ, чтобы спасти одну заблудшую! Ты подъемлешь на Себя одного всѣ казни, которыя должно было испытать все множество людей грѣшниковъ, и привлекши на Себя удары божественнаго правосудія, привлекаешь въ то же время и милосердіе къ намъ Отца небеснаго.

Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми, недоумѣваетъ Царь-пророкъ; и не находя ничего достойнаго, чѣмъ бы могъ воздать Богу за Его безконечныя благодѣянія,

онъ вмѣсто всякаго, невозможнаго воздаянія, отвѣчаетъ только благодарнымъ воспріятіемъ и усвоеніемъ дарованнаго Господомъ: *чашу спасенія пріиму и имя Господне призову*. Воздадимъ же и мы Спасителю нашему, подъявшему на Себя бремя нашихъ грѣховъ и наказаній за нихъ, однимъ, чѣмъ можемъ воздать, искреннимъ воспріятіемъ того спасенія, къ которому Онъ призываетъ насъ со креста, усвоеніемъ вѣрою, любовію споспѣшествуемою, дѣлами вѣры и любви сопровождаемою, спасительныхъ Его страданій. Наше собственное спасеніе — самое пріятное воздаяніе для Того, Кто все имѣетъ, всѣмъ властвуетъ, кромѣ насъ самихъ, отторгшихся отъ Его державы и власти грѣхомъ и непослушаніемъ.

Викторъ Кудрявцевъ.

АПОКРИСИСЪ ХРИСТОФОРА ФИЛАЛЕТА,

Въ переводѣ на современный русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями, и примѣчаніями. Изданъ въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи, 28 сентября 1869 г. Кіевъ. 1870. Въ 8 д. л. LVIII, 505 и 90 стр. Цѣна 3 р.

На дняхъ окончательно вышелъ въ свѣтъ «Апокрисисъ Христофора Филалета», подготовленный Кіевской Духовной Академіей, въ переводѣ на современный русскій языкъ, еще ко дню своего пятидесятилѣтняго юбилея. Спѣшимъ сказать, что изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ, исполненныхъ Академіею къ ея полувѣковому празднику, »Апокрисисъ Хр. Филалета»—самый цѣнный самый интересный, самый важный трудъ во многихъ отношеніяхъ. И мы долгомъ считаемъ—немедленно, хотя отчасти, познакомить съ нимъ нашихъ читателей въ настоящей бѣглой замѣткѣ, подъ вліяніемъ живаго впечатлѣнія отъ только-что прочитанной книги.

«Апокрисисъ» не составляетъ собственно новости, въ строгомъ смыслѣ этого слова: въ подлинникѣ; онъ напечатанъ въ первый разъ еще въ 1597 году и притомъ въ двухъ изданіяхъ — на польскомъ и русскомъ языкѣ; тѣмъ не менѣе о сочиненіи этомъ знали у насъ доселѣ только записные изслѣдователи историко—богословской литературы, такъ что нынѣ, въ новомъ переводѣ, »Апокрисисъ« для огромнаго большинства читателей окажется совершенной новостью.

И посему нелишнимъ будетъ, если мы скажемъ здѣсь, что Апокрисисъ (т. е. Отвѣтъ) представляетъ собою обширный критическій трактатъ Христофора Филалета на книгу іезуита Петра Скарги «Соборъ Брестскій...», изданную въ 1596 году. (Такимъ образомъ Хр. Филалетъ является *первымъ* писавшимъ противъ уніи). Въ своей книгѣ Скарга представилъ описаніе собора, введеніе на немъ уніи, оборону собора и переговоры съ лицами, не изъявившими согласія на унію. Эту-то іезуитски-лживую и коварную книгу нашъ авторъ разбираетъ шагъ за шагомъ, показываетъ всю ея односторонность, изворотливость, ложь, безпристрастно и отчетливо излагаетъ ходъ и значеніе событій и ярче дня озаряетъ незыблемую истинность Восточной Церкви. Не скроемъ, что первыя страницы книги его потребуютъ отъ читателя нѣкотораго напряженія, но за то дальше—говоримъ это по опыту—когда вчитаешься въ нее, отъ нея оторваться не хочется. Сущность дѣла обрисовывается все яснѣе и яснѣе, личность автора выростаетъ выше и выше и вызываетъ самое глубокое уваженіе. Какъ жаль, что свѣдѣнія о личности и жизни его чрезвычайно бѣдны! Полагаютъ, что онъ былъ житель Волыни, происходилъ изъ свѣтскаго званія, что настоящее имя его—*Христофоръ Бронскій*, что онъ получилъ замѣчательно-высокое образованіе—быть можетъ, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за границею—и конечно вслѣдствіе этого явился не чуждъ нѣкоторыхъ протестантскихъ оттѣнковъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, оттѣнковъ, легко объясняемыхъ притомъ историческими обстоятельствами; что онъ постоянно потомъ вращался въ средѣ лучшихъ ученыхъ представителей той поры, сдѣлался близокъ князю Константину Острожскому, съ нимъ вмѣстѣ былъ на Брестскомъ соборѣ, какъ прямой участникъ; что «Апокрисисъ» написалъ онъ по порученію князя и за это получилъ

отъ него цѣлое имѣніе; что увлеченіе защитой священныхъ истинъ вѣры и Церкви развило въ немъ стремленіе къ богомыслію, къ подвижнической жизни и вслѣдствіе этого онъ удалился на Аѳонъ, гдѣ поступилъ въ монахи и тамъ продолжалъ писать въ защиту православной Церкви и наконецъ—неизвѣстно, когда —скончался. Въ дополненіе къ этимъ, болѣе или менѣе гадательнымъ, извѣстіямъ можно извлечь кое-что несомнѣнно—положительное изъ самой его книги. Изъ нея видимъ и убѣждаемся, прежде всего, что авторъ ея —человѣкъ надѣленный рѣдкими дарованіями, многосторонне и серьезно образованный, съ богатѣйшимъ здравымъ смысломъ; что онъ превосходно понимаетъ характеръ событій и лицъ церковной исторіи, что онъ вполнѣ владѣетъ языками латинскимъ и греческимъ; видимъ далѣе, что онъ—человѣкъ глубоко вѣрующій, искреннѣйшій сынъ своей Церкви, человѣкъ съ твердымъ изученіемъ священнаго Писанія соединяющій необыкновенную разнообразную начитанность, съ громадной памятью—зоркое и ясное пониманіе, съ глубокимъ анализомъ—строгую логику. При такихъ рѣдкихъ дарованіяхъ, онъ мѣтко и сильно поражаетъ своего противника подавляющей массой историческихъ примѣровъ, неодолимой прямотою выводовъ, а иногда и живой, бойкой ироніей. Съ видимымъ самообладаніемъ встрѣчаетъ онъ всѣ до единаго возраженія противника и опрокидываетъ ихъ съ необыкновенно яснымъ пониманіемъ сущности дѣла. И авторъ самъ очень хорошо сознаетъ свою силу, чувствуя себя на твердой исторической почвѣ. Вотъ почему во всей книгѣ его чуется побѣдный тонъ при самой честной полемикѣ. Эта честная полемика замѣчательна еще своею сдержанностію, приличіемъ, въ сравненіи съ ѣдкой язвительностію его хитраго противника. Серьезный анализъ событій оживляется иногда рядомъ интересныхъ цитатъ, ря-

домъ непосредственныхъ обращенiй къ «дѣеписателю» (такъ называетъ онъ скрывшаго свое имя Скаргу), рядомъ ловкихъ, испытующихъ вопросовъ къ нему (любимая форма рѣчи у автора) и чрезвычайно удачно приводимыми острыми пословицами. Нѣкоторыя страницы являются истинно-блистательными, по мастерской обстановкѣ фактовъ, силѣ объясненiя ихъ и длинному ряду неумолимыхъ стремительныхъ обличенiй, наносящихъ жестокое пораженiе противнику. Нерѣдко однимъ рядомъ глубоко-содержательныхъ, логически построенныхъ вопросовъ онъ приводитъ выводы своего противника до очевидной нелѣпости и ставитъ его въ безвыходное положенiе. При этомъ онъ вполнѣ внимателенъ къ своему противнику, или сказать точнѣе—къ самому предмету спора. Видно, что дѣло это—дѣло его сердца, его души; въ тонѣ его чувствуешь пламень святой ревности къ завѣтной истинѣ, пламень, который невольно сообщается и читателю, такъ что книгу его читаешь не по одному только любопытству, не для одного только знанiя. Опровергая противника широкимъ строемъ историческихъ примѣровъ, нашъ авторъ не слѣпо смотритъ на положенiе родной, Восточной Церкви, и видитъ и рисуетъ въ истинномъ свѣтѣ ея добрыя и грустныя стороны. Страницы, на которыхъ ведетъ онъ рѣчь о состоянiи единовѣрной ему Церкви, часто дышутъ скорбiю и умилительнымъ сострадашемъ. Мы не можемъ при этомъ не остановиться на томъ характерѣ дѣйствiй православнаго духовенства, который очерчиваетъ нашъ авторъ, сравнительно съ духовенствомъ римскимъ, не можемъ не пожелать, чтобы подобный характеръ существовалъ и теперь и сохранился на вѣки; вотъ какъ изображаетъ его умный и наблюдательный писатель: «*Наши духовные знаютъ предѣлы* »*своего призванiя; знаютъ, что имъ поручено только* »*совершенiе Божiихъ таинствъ, преподаванiе истинна-*

»го ученія, служеніе святынею овцамъ Господнимъ, на-»блюденіе церковнаго порядка и другія симъ подобныя »и приличныя истиннымъ пастырямъ дѣла, которы-»ми и слѣдуетъ заниматься: и кто хочетъ выполнять »ихъ какъ должно и вполнѣ удовлетворительно, тому »и не нужно и неприлично вмѣшиваться въ свѣтскія »забавы. Къ тому-же извѣстно имъ, что свобода и до-»стоинство и званіе духовное не суть неограничены«. (Стр. 288).

Являя въ себѣ строгаго, многосвѣдущаго историка Церкви, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ иногда говоритъ какъ горячій патріотъ, сердцемъ болѣющій о несчастіяхъ своихъ единовѣрцевъ—соотечественниковъ и защищающій ихъ со всѣмъ жаромъ и искусствомъ умнаго, опытнаго дипломата (см. напр. стр. 312—323). Тутъ звучитъ истинно достойная, благородная рѣчь, истекающая отъ яснаго сознанія своихъ правъ и пониманія историческихъ событій. Тутъ неразъ авторъ является тонкимъ психологомъ, ораторомъ, доходящимъ до поэтическаго одушевленія и сердечнаго краснорѣчія.

Наконецъ, чтобы сказать въ немногихъ словахъ все существенное объ этой книгѣ, скажемъ, что въ ней іезуиту Скаргѣ и, въ лицѣ его, всей римской церкви *данъ такой отвѣтъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ остаться въ раздумьѣ, на чьей сторонѣ правда.* Эти слова самого автора (стр. 123) совершенно безусловно можетъ повторить каждый о его книгѣ. Мы не знаемъ, есть ли матеріалъ болѣе полный, болѣе важный для данной эпохи и для науки обличительнаго богословія; но мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что книга эта изумляетъ и поражаетъ отчетливостію и обширными свѣдѣніями. Изданная вскорѣ послѣ собора, она явилась актомъ несомнѣнно историческаго значенія. Православные долго гордились ею предъ уніатами. Сами

враги нашего автора сознавали ея силу. Современники разсказываютъ, что отступникъ Ипатій Поцѣй въ отвѣтъ на это сочиненіе (въ 1599 г.) грозилъ Филалету — «кіемъ». Скарга молчалъ.... И только легкомысліе и безпечность могли безчувственно закрывать глаза свои предъ ея поражающей силой. Самъ авторъ опасался, что книгу его сожгутъ латиняне и потому посвятилъ »Апокрисисъ« славному вельможѣ Яну Замойскому, человѣку извѣстному своимъ благороднымъ характеромъ и государственнымъ значеніемъ, посвятилъ съ тою именно цѣлію, чтобы всѣми уважаемое имя Замойскаго спасло книгу отъ сожженія. —Наши позднѣйшіе изслѣдователи отзываются о трудѣ Филалета съ полнымъ уваженіемъ. Ученый историкъ церкви, архіепископъ Черниговскій Филаретъ даетъ слѣдующій отзывъ о книгѣ умнаго защитника православія: »*Апокрисисъ*« — *сочиненіе превосходное по основательности мыслей и любопытное по множеству историческихъ документовъ, на которыхъ основаны мысли* [1]). Извѣстный спеціалистъ по исторіи уніи, проф. Кояловичъ такъ говоритъ объ Апокрисисѣ: »Здѣсь все почти исторія и исторія необычайно дѣльная. Множество грамотъ самыхъ повидимому недоступныхъ автору и множество очевиднѣйшихъ фактовъ дѣлаютъ эту книгу настольною для изслѣдователя уніи« [2]).

---

[1]) Обзоръ русс. дух. лит. 1859 г. т. I, стр. 242, § 157. Сочиненіе Скарги преосв. Филаретъ приписываетъ Поцѣю; но авторъ Апокрисиса въ своемъ предисловіи къ читателю (стр. 7) прямо называетъ своего противника римляниномъ. Любопытно, однако, что Поцѣю же приписываетъ это сочиненіе и авторъ «Пере-строги»: такъ еще тогда таинственно было имя автора—дѣеписателя собора.

[2]) Лит. Церк. Унія т. 1, стр. 181

Послѣ всего этого мы имѣемъ полное право сказать, что переводъ Апокрисиса, изданный нынѣ Кіевской Дух. Академіей, представляетъ собою рѣдкій вкладъ въ нашу историко-богословскую литературу и драгоцѣнную книгу для всякаго образованнаго человѣка, которому сколько-нибудь близко дѣло православія. Книга эта получаетъ особенную силу и значеніе въ настоящее время, когда на римскомъ соборѣ, съ изумительною слѣпотою, стараются провозгласить какъ церковный догматъ непогрѣшимость папы. И вотъ въ это-то время нашъ авторъ словно воскресаетъ, чтобы, съ своимъ яснымъ умомъ, изумительнымъ знаніемъ и пламенной энергіей, вновь высказать гремящее обличеніе творцамъ новыхъ догматовъ... Его-ли, жившаго въ пору непрерывной жизненной борьбы съ латинствомъ, дѣйствовавшаго въ самомъ центрѣ борьбы, ратоборствовавшаго во всеоружіи самой солидной учености, его-ли не выслушаемъ нынѣ мы, единовѣрцы его? Нѣтъ, мы позволяемъ себѣ выразить крѣпкую надежду, что священнослужители югозападнаго и западнаго края почтутъ непремѣннымъ долгомъ пріобрѣсть эту книгу, какъ необходимую и незамѣнимую въ своемъ родѣ, для всѣхъ имъ подвѣдомыхъ церковныхъ библіотекъ. Мы увѣрены, что многіе изъ нихъ неразъ будутъ имѣть поводъ, хоть мысленно, горячо поблагодарить ея переводчиковъ... Заслуга переводчиковъ пріобрѣтаетъ значеніе еще и въ томъ отношеніи, что старый югозападно-русскій языкъ подлинника представляетъ необыкновенныя трудности для перевода: представьте себѣ какую-то поразительно-пеструю смѣсь словъ и оборотовъ польскихъ, латинскихъ, литовскихъ, церковно-славянскихъ, малороссійскихъ и русскихъ, смѣсь, которая озадачиваетъ при переводѣ на всякой страницѣ и чуть ли не во всякомъ періодѣ. Переводчики совершили истинный подвигъ, совладавши съ этой причудливою, ка-

лейдоскопической рѣчью [1]). Языкъ перевода вообще простъ и ясенъ. Но, чтобъ быть вполнѣ безпристрастнымъ, замѣтимъ, что коегдѣ въ переводѣ все-таки встрѣчаются нѣкоторыя темныя мѣста, происшедшія, вѣроятно, отъ желанія быть какъ можно ближе къ подлиннику; намъ кажется, что парафразъ въ подобныхъ случаяхъ былъ бы безгрѣшнымъ дѣломъ. Пожалѣемъ и о томъ еще, что книга черезчуръ богата опечатками, иногда даже искажающими смыслъ (впрочемъ, всѣ подобныя опечатки указаны въ концѣ книги).—Изданіе скромное, но чистенькое. Къ переводу Апокрисиса приложены: 1) предисловіе проф. Малышевскаго, цѣлый трактатъ, трактатъ чрезвычайно интересный и мастерской, о личности и главнѣйшихъ сочиненіяхъ двухъ борцовъ: іезуита Скарги и Христофора Филалета (преимущественно о послѣднемъ) и отчасти объ ихъ времени; 2) отвѣтъ неизвѣстнаго клирика Острожской церкви на письмо отступника Ипатія къ князю Константину Острожскому; 3) его-же исторія о Флорентійскомъ соборѣ (два эти сочиненія имѣютъ тѣсную связь съ Апокрисисомъ и современны ему); 4) Synod Brzeski, сочиненіе іезуита Скарги, въ подлинникѣ, на которое собственно и написанъ Апокрисисъ; 5) двадцать пять актовъ, извлеченныхъ изъ Апокрисиса въ подлинникѣ; 6) весьма обширныя, ученыя примѣчанія проф. Малышевскаго, во многомъ помогающія чтенію самой книги и 7) азбучный указатель именъ, упоминаемыхъ въ предисловіи, книгѣ и примѣчаніяхъ къ ней. Во всей книгѣ болѣе 40 листовъ убористой печати, а цѣна-то ей всего на все три рубля,

[1]) Какъ образчикъ языка въ Апокрисисѣ (и притомъ именно языка самаго *легчайшаго*), переводчики приводятъ въ своемъ изданіи, на стр. 322—323, небольшой отрывокъ, какъ наиболѣе близкій къ нашему церковному языку; отрывокъ этотъ очень любопытенъ и мы возмемъ изъ него нѣсколько строкъ: «Господи Бо-

съ пересылкой: это —просто подарокъ для всѣхъ любителей дѣльнаго чтенія! [1])

Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы трудолюбивые переводчики какъ можно скорѣе получили возможность перевести весь рядъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ въ юго-западной Руси съ конца XVI в., на которые указывалъ одинъ изъ нихъ еще въ 1867 году (см. Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 г., декабрь, стр. 659—670, ст. И. И. Малышевскаго) именно: «Перестрогу», посланія александрійскаго патріарха Мелетія, нѣкоторыя изданія Смотрицкаго (до его отступничества), Antidotum Мужиловскаго, книгу о вѣрѣ и Палинодію Захарія Копыстенскаго, Антапологію Диплица противъ апологіи Смотрицкаго и Лиѳосъ м. Петра Могилы. Великое значеніе этихъ трудовъ, какъ богословское, такъ и церковно-историческое, отчетливо указано въ названной сейчасъ статьѣ. Мы возмемъ изъ нея только то напоминаніе, что еще въ концѣ XVIII в. знаменитый поборникъ православія Георгій Конисскій совѣтовалъ издавать лучшія изъ нихъ, чтобы дѣйствовать ими на обращеніе уніатовъ или олатиненныхъ русскихъ. Живыя преданія приписываютъ ту же мысль м. Евгенію и ректору Иннокентію. Станемъ надѣяться, что послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія начатое теперь дѣло встрѣтитъ себѣ повсюду сочувственный пріемъ;

же! приклони сердце привременнаго властителя нашего, и всѣхъ сожителей панства сего, въ немъ же насъ поставилъ еси: даже тіи, ведуще, еже къ благому и полезному и ку покоеви посполу стягаетъ, совѣтовъ, дѣйствъ и поступковъ, добровольной славѣ Имени Твоего противныхъ, и несогласіе и нелюбовь приносящихъ, съ пильностію ся остерегали» (стр. 322).

[1]) Желающіе пріобрѣсть ее могутъ адресоваться въ редакцію «Воскреснаго Чтенія» при Кіевской Духовной Академіи.

что любознательность читателей усилитъ средства изданія, что вся серьезная журналистика наша, для которой свято значеніе православной вѣры, посодѣйствуетъ добрымъ вліяющимъ словомъ скорѣйшему распространенію этихъ несомнѣнно полезныхъ и необходимыхъ памятниковъ. Какъ ни важенъ ихъ церковно-историческій интересъ, но въ настоящую пору едва ли не выше—ихъ интересъ богословскій. «Въ наши дни (говоритъ многоуважаемый авторъ указанной статьи) когда вопросы о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ возбуждаютъ усиленное вниманіе къ себѣ у людей, искренно ищущихъ единой христіанской истины; когда богохранимое въ Россіи православіе обращаетъ на себя испытующіе или исполненные надежды взоры даже издали: въ эти дни было бы весьма благовременно—сдѣлать болѣе доступнымъ тотъ богатый матеріалъ нашей родной православной апологетики, который завѣщали намъ старые поборники православія, умѣвшіе не только защищать силою мысли и слова свои завѣтныя преданія, вѣрованія, но и страдать за нихъ, Отъ ближайшаго знакомства съ ними и ихъ писаніями, ихъ выстраданными жизненными убѣжденіями, быть можетъ, и собственныя православныя воззрѣнія наши пріобрѣтутъ болѣе отчетливости, крѣпости, жизненности»...

Этою благою надеждой, высказанною такъ сердечно и прекрасно, напутствуемъ и мы появленіе нынѣ въ свѣтъ «Апокрисиса».

С. П.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Чудесное исцѣленіе бѣсноватой. Духовный Соборъ Почаевской Успенской Лавры, 19 января 1870 г. (№ 118), донесъ его высокопреосвященству, архіепископу волынскому, Агаѳангелу, что солдатка екатеринославской губерніи, ростовскаго уѣзда, екатерининской волости, села Екатериновки Ирина Василіева Волошинова, отъ роду 37 лѣтъ, одержимая бѣснованіемъ уже шестнадцатый годъ, бывшая во многихъ святыхъ мѣстахъ съ мольбою объ освобожденіи ея отъ злаго духа, но нигдѣ не получившая исцѣленія, прибывши 27-го декабря 1869 г. въ Почаевскую Лавру, 14 января 1870 года, по милости Божіей, совершенно освободилась отъ духа бѣснованія и получила здравіе. Обстоятельства ея бѣснованія и исцѣленія слѣдующія: Прибывши въ Почаевскую Лавру, въ сопровожденіи пятнадцатилѣтняго своего сына Михаила, Ирина Волошинова, хотя и присутствовала при богослуженіяхъ въ лаврскихъ церквахъ, но присутствовала по принужденію; часто сопротивлялась идти въ церковь до того, что ее приводили нѣсколько человѣкъ; въ самой же церкви она постоянно издавала неистовый крикъ; въ это время она ни на кого не смотрѣла и только въ стенаніяхъ произносила разныя несвязныя слова, ругательства и хулы, покушаясь даже ударить кого либо, особенно служащихъ, но была удерживаема. Въ сильныхъ припадкахъ бѣснованія падала на землю, валялась, кричала......, чѣмъ возбуждала

къ себѣ полное состраданіе и обращала на себя вниманіе всѣхъ тѣмъ особенно, что находившійся въ ней бѣсъ велъ разговоръ въ мужескомъ родѣ. Столь явныя озлобленія врага рода человѣческаго возбуждали въ лаврской братіи особенное усердіе къ молитвенному объ исцѣленіи страждущей возношенію при всѣхъ церковныхъ службахъ и въ особенности предъ чудотворною иконою Божіей Матери и предъ нетлѣнными мощами предобнаго отца нашего Іова; а съ 11-го января, послѣ исповѣди, удостоивши больную причастія Св. Таинъ, іеромонахъ Іоанникій, какъ чередный пещерной церкви, по совѣту и благословенію намѣстника Лавры, началъ совершать надъ больною первоначально освященіе воды, а потомъ и таинство елеосвященія, съ чтеніемъ заклинательныхъ молитвъ Св. Василія Великаго, что исполнено было 11-го, 12-го и 13-го января послѣ литургіи. Во время сихъ священнодѣйствій, особенно во время помазыванія елеемъ, больная такъ бѣсновалась, что нѣсколько дюжихъ человѣкъ не могли удержать ее. Наконецъ 14 января, по совершеніи надъ нею водоосвященія, когда при чтеніи заклинательныхъ молитвъ не безъ усилій она была помазана елеемъ отъ лампадъ Божіей Матери и преподобнаго Іова, то бѣсъ, съ крикомъ »куда мнѣ выдти«, стрясши и повергнувши эту женщину на землю, началъ мучить ее дотого жестоко, что она казалась мертвою; почему на грудь ея положена была копія Чудотворной Иконы Божіей Матери, а на лице Честный Крестъ, и чрезъ нѣкоторое время, послѣ страшныхъ припадковъ мученія, лице ея приняло надлежащій человѣческій видъ, она встала, начала креститься, молиться и благодарить Господа и Пречистую Его Матерь за явленное ей милосердіе. Донося объ этомъ его высокопреосвященству, духовный соборъ присовокупилъ, что послѣ этого чудеснаго исцѣленія сдѣлано было распо-

ряженіе о совершеніи соборнаго молебна съ акаѳистомъ предъ Чудотворнымъ Ликомъ Пресвятыя Богородицы и предъ св. мощами преподобнаго отца нашего Іова, что прежнее состояніе болящей и настоящее ея положеніе могутъ подтвердить не только братія Лавры, но и сторонніе и сопутствующіе исцѣленной. На семъ донесеніи резолюція высокопреосвященнѣйшаго архипастыря послѣдовала 22 января 1870 г. (№ 34) такая: »Поручаю о. Намѣстнику Лавры отобрать отъ посторонныхъ лицъ, знавшихъ исцѣленную до исцѣленія ея, показаніе 1) о прежнемъ состояніи ея, 2) о настоящемъ ея положеніи и 3) о томъ, вслѣдствіе чего произошла эта перемѣна; о послѣдующемъ же донести мнѣ, съ приложеніемъ подлинныхъ показаній и настоящихъ бумагъ«. Вслѣдствіе сей резолюціи Намѣстникъ Лавры, въ присутствіи пристава 1-го стана Кременецкаго уѣзда, отобралъ подъ присягою показанія отъ пяти лицъ: и всѣ они подтвердили болѣзненное состояніе и послѣдовавшее въ Почаевской Лаврѣ исцѣленіе Волошиновой. Сама Волошинова съ видимымъ содроганіемъ и ужасомъ о прошедшемъ своемъ состояніи, съ искреннимъ благодареніемъ къ Господу Богу, Пречистой Его Матери и угоднику Божію Іову Почаевскому, спрошенная о. Намѣстникомъ безъ присяги, чистосердечно подтвердила свою мучительную болѣзнь, происходившую отъ вселившагося въ нее, какъ она высказала ему—о. Намѣстнику, злаго духа, и видимое дѣйствіе благодати Божіей, явленное ей въ ея исцѣленіи. Болѣзненное положеніе Волошиновой и настоящее ея здоровье онъ, о. Намѣстникъ, и почти вся братія почаевской лавры могутъ свидѣтельствовать.

На рапортѣ О. Намѣстника Лавры отъ 13 февраля послѣдовала 28 февраля слѣдующая резолюція Его Высокопреосвященства: »съ прописаніемъ доклада Духовнаго Собора

19 января, настоящаго рапорта, присяжныхъ показаній свидѣтелей и самой Волошиновой донести отъ меня о совершившемся чудесномъ исцѣленіи сей послѣдней Святѣйшему Сv-ноду и напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ извѣстность всѣмъ православнымъ христіанамъ, которые, безъ сомнѣнія, вознесутъ въ духовной радости теплое благодареніе М лосердому Господу, милующему чадъ истинной Церкви Своей; кромѣ того записать это событіе въ лѣтопись Почаевской Лавры.« (Волын. Еп. Вѣд. № 8.).

Пріемъ нашей духовной музыкѣ въ американскихъ штатахъ.—Въ прошломъ 1869 году нашъ извѣстный пѣвецъ Славянскій давалъ съ своимъ хоромъ въ разныхъ городахъ Америки духовные концерты изъ произведеній нашихъ лучшихъ композиторовъ—Бортнянскаго, Веделя и др. По отзывамъ американскихъ газетъ, эти концерты вездѣ вызвали глубокое, восторженное сочувствіе слушателей Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ гартфортской газетѣ объ одномъ изъ духовныхъ концертовъ г. Славянскаго: «Вчера вечеромъ на русскомъ концертѣ было очень много публики. Музыка отъ начала до конца была духовная, и кромѣ характера, свойственнаго этого рода музыкѣ, исполнена была тѣхъ грустныхъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ мелодій и серьезной обработки, которыя, какъ кажется, болѣе или менѣе свойственны русскимъ композиціямъ. Многія изъ молитвъ плавны, а другія трогательны. Всѣ были исполнены съ удивительнымъ совершенствомъ... Молитва херувимская нѣжна и трогательна до слезъ.»— Г. Славянскій въ письмѣ своемъ объ этомъ концертѣ говоритъ: «Вчера я давалъ здѣсь четвертый концертъ. Слушателей было 1500 человѣкъ.. Это былъ полнѣйшій тріумфъ... Наши церковныя молитвы—«*Херувимская*» (Бор-

тнянскаго, № 7), «*Плотію уснувъ*», «*Отче нашъ*» производятъ потрясающее дѣйствіе на американцевъ. Не бываетъ ни одного концерта, чтобы публика не просила спѣть одну изъ этихъ молитвъ, въ особенности «херувимскую.» Въ письмѣ отъ 8 (20) генваря онъ присовокупляетъ: «Въ воскресенье я давалъ духовный концертъ въ Спринфильдѣ (штатъ Массачузетъ); народу было болѣе 2000, и тотъ же восторгъ и умиленіе отъ нашей церковной музыки». Многія изъ нашихъ пѣсней сдѣлались тамъ на столько любимыми, что народъ распѣваетъ ихъ по улицамъ; это особенно можно сказать о нашемъ народномъ гимнѣ и о «херувимской» Бортнянскаго (№ 7). Въ нѣкоторыхъ городахъ, при пѣніи въ концертѣ русскаго народнаго гимна, американцы вставали съ своихъ мѣстъ и стояли до самаго его окончанія. Это сочувствіе американцевъ къ нашей музыкѣ получаетъ особое значеніе, когда вспомнимъ, что вообще сочувствіе ихъ къ Россіи развивается все шире и шире, что уже не разъ высказывалось оно, съ замѣчательной силою и сердечностію, къ народу нашему, ко многимъ его дѣятелямъ, Государю и наконецъ къ самой вѣрѣ нашей. С. П. Т.

Изъ Холма.—Епископъ холмскій Михаилъ Куземскій разослалъ по всѣмъ уніатскимъ церквамъ своей епархіи нижеслѣдующее пастырское посланіе, долженствующее повлечь за собою важныя послѣдствія, въ интересахъ возрожденія ополяченной Руси. «Въ предѣлахъ нынѣшней холмской Руси, говоритъ преосвященный, жило когда-то сплошное русское населеніе, исповѣдывавшее греко-уніатскій обрядъ. Но настали времена смутъ для нашей церкви и народности. Русь подпала подъ владычество Польши. Съ того времени число русскихъ стало прогрессивно уменьшаться. Сначала отчуждалось отъ своей церкви сословіе помѣщичье; ему

послѣдовало мѣщанское, а подъ конецъ и крестьянское. Въ принятіи предками нашими соединенія съ св. римскою церковію, ихъ святѣйшества папы римскіе разновременно и неоднократно возвышали свой могучій голосъ въ защиту нашей греко-уніатской церкви, но все это не помогало: польская пропаганда дѣйствовала и дѣйствуетъ надъ уничтоженіемъ Руси и ея Церкви. Доказательствомъ тому служатъ почти вездѣ разрушенные наши храмы Божіи и почти въ каждомъ приходѣ—значительное число измѣнившихъ своей Церкви и народности. Такъ какъ этотъ переходъ совершался произвольно и безъ благословенія римскаго престола, то онъ считается незаконнымъ и недѣйствительнымъ; въ слѣдствіе чего всѣ лично перешедшіе въ латинскій обрядъ и родившіеся отъ незаконно перешедшихъ должны возвратиться на лоно своей природной греко-уніатской церкви. Настоящій вопросъ нельзя не признать однимъ изъ самыхъ труднѣйшихъ. А такъ какъ разрѣшеніе его во многомъ зависитъ отъ соображенія мѣстныхъ обстоятельствъ, то мы заблагоразсудили предварительно предложить его всестороннему разсмотрѣнію подвѣдомственнаго намъ духовенства. Въ виду сего, предписываемъ симъ же каждому священнику, занимающему приходскую должность, изготовить: 1) точный и вѣрный списокъ всѣмъ, лично перешедшимъ въ латинскій обрядъ; 2) такой же списокъ всѣмъ родившимся отъ незаконно перешедшихъ въ латинство, и при составленіи списковъ, не должно ограничиваться ни какимъ временемъ; 3) по составленіи таковыхъ списковъ и по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, могущихъ благотворно подѣйствовать на отчуждившихся прихожанъ, каждый священникъ долженъ составить по этому предмету особую докладную записку, въ которой также изобразитъ, какія мѣры предпринималъ онъ до сихъ поръ для сказанной цѣли. Какъ

записку, такъ и списки представить въ теченіе наступающей трети благочинному, для общаго разсмотрѣнія на благочинническомъ собраніи«.—Это пастырское посланіе показываетъ, какъ широкъ горизонтъ воззрѣній его преосвященства относительно его священной миссіи по дѣлу возрожденія Руси, путемъ возстановленія восточнаго обряда, этой существенной стихіи русской народности. (Вечерн. Газ.)

Составъ комитета для пересмотра устава духовной цензуры. Въ составъ комитета входятъ слѣдующіе лица: предсѣдатель —преосв. *Макарій*, архіепископъ литовскій; члены: ординарный профессоръ С.-Петербургской Дух. Академіи И. А. *Чистовичъ*, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода И. А. *Ненарокомовъ*, юрисконсультъ при Св. Сѵнодѣ В. А. *Степановъ*, цензоръ архимандритъ *Ефремъ*, редакторъ »Духовной Бесѣды« протоіерей. І. К. *Яхонтовъ*, и дѣлопроизводитель г. *Забѣлинъ*. (Христ. Чтеніе №№ 2 и 3).

— На югѣ Россіи появились фальшивые 50-рублевые билеты. Въ »Одесскомъ Вѣстникѣ« помѣщено описаніе ихъ особенностей и несовершенствъ, и между прочимъ, для необладающихъ техническими познаніями, указываютъ самый простой и вѣрный способъ распознаванія слѣдующій: »взять пятидесяти-рублевый билетъ новаго образца, омочить верхніе углы его, и если, смотря на свѣтъ, на омоченныхъ углахъ будутъ видимы знаки (цифра 50), то билетъ дѣйствительный, если же водяныхъ знаковъ нѣтъ, то билетъ фальшивый«. (Харьк. Еп. Вѣд).

Печ. дозв. Кіевъ. 15 іюня, 1870 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

V

